

Петр Немировский

ФОКУС САЛЬЕРИ

Глава 1

«... Долгое время я не мог привыкнуть спать на скамейке, стиснутый с двух сторон собутыльниками, не мог привыкнуть и к влажному матрасу. Как-то я пожаловался на это одному другу. Он ответил: «Улица – не пятизвездочный отель. Но все к ней привыкли, привыкнешь и ты». У того друга был испытанный годами опыт жизни на нью-йоркской улице. Он верно предсказал мое американское будущее: за пять лет я привык спать не только на скамейках, но и на картоне, на мокрой траве, на голом бетоне, в заброшенных домах, в полицейских участках...»

– Н-да, интересно, – сказал Давид, когда Мартин, закончив чтение, сунул исписанные страницы обратно в рюкзак.

Прищурившись, отчего в уголках глаз возникли глубокие морщины, Мартин поднес к губам наполовину выкуренную сигарету. Темнело, последние страницы он читал быстрее, часто останавливался, приближая бумагу к глазам.

Пляж покидали последние отдыхающие. Трое латиноамериканцев с криками тащили мертвецки пьяного приятеля, его ноги волочились по песку. На пляже еще можно было различить высокие смотровые стулья спасателей, детскую площадку.

Давид и Мартин сидели на огромных камнях волнореза, метров на сто вдающегося в океан.

– Потом я зимовал с двумя поляками в каком-то гараже, – Мартин затянулся так крепко, что огонек подобрался к самому фильтру. Выпустив струю дыма, щелчком отбросил окурочок. Поднялся.

Ему – тридцать четыре года. Невысокого роста, в джинсовом костюме и черных ботинках. На голове – несмотря на то, что июнь, тепло и хорошо на пляже, – серая бейсболка с длинным козырьком. Если присмотреться повнимательней, его туловище чуть перекошено вправо, и ходит он, слегка прихрамывая. Это после травмы: автомобиль сшиб Мартина, когда он просил милостыню. В машине сидели веселые ребятки, пьяные, наверное, после вечеринки, вот Мартин-попрошайка и очутился на бровке с переломом ноги и сотрясением мозга.

Его лицо – грубое, мясистое, черты тяжелые, словно вырублены топором: вздернутый нос с широкими ноздрями, круглый подбородок со шрамом и

щетиной, толстые губы. Лба не видно, поскольку бейсболка. Типичное крестьянское лицо, хоть и чех и, вроде бы, должен выглядеть поутонченной. Ах да, глаза обычные, серые, мутноватые, в красных прожилках – больные глаза. Словом, лицо алкоголика, хоть Мартин не пьет уже больше года. Но долгие годы тяжелого пьянства из жизни не вычеркнешь. А что сквозит в лице алкоголика? – оупение, пустота, отчаяние. Это не изглаживается, во всяком случае, так скоро.

Но, странное дело, под маской ханыги живет и другое лицо. Когда Мартин улыбается, его физиономия вмиг добреет, и под этим добродушием просвечивают еще и хитринка, и лукавство. А Мартин задумчивый смотрится философом, погруженным в свою «думку». Думки, кстати, у него крепкие, хотя часто и болтает он без умолку, бубнит что-то на чешско-польско-русском наречии. Давид к этому бормотанию привык. Он знает, что у Мартина это – от пожизненного одиночества.

Давид не всегда вслушивается, о чем Мартин бу-бу-бубнит. Признаться, и не все понимает. Но он знает – Мартину нужен просто слушатель. Если бы вместо Давида рядом стоял, скажем, глухонемой индус, Мартин бубнил бы точно так же, рассказывая о своих житейских проблемах: на работе босс постоянно норовит обмануть; хозяйка дома, где он снимает чердак, – полячка Ванда, обжора и неряха; его родители в Чехии болеют; он хочет купить попугая и т. д.

– Смотри, крыса, – Мартин проводил взглядом крысу, выбежавшую из урны и темным мохнатым комком покотившуюся по песку.

– Да, – отозвался Давид, переведя взгляд с крысы на Мартина.

Мартин улыбнулся:

– Когда-то я с этими крысами жил.

– Здесь?

– Да. Спал вон под тем зданием, – Мартин кивнул в сторону невысокого здания душевой. – Крысы иногда по мне ползали. Но пьяному все равно.

Уже окончательно стемнело, солнце погрузилось в океан, в небе обозначился молодой полумесяц. Вдали по воде скользила яхта под белым парусом.

Давид, чуткий к красотам природы, тем более к морским – плывущим в пенистых волнах яхтам, чайкам, месяцу, – в такие минуты впадал в сентиментальность, у него на глаза наворачивались слезы. Знал, что и Мартин тоже чувствует эту красоту. Но... какими разными глазами они смотрят на мир! Вот пробежала крыса. Давид заметил ее и тут же забыл, снова любуется пейзажем. А у Мартина следом за этой крысой наверняка побежало воспоминание из прошлой жизни. Иначе с чего бы на его лице появилось такое кошачье выражение?

– До чего же мне осточертел мой журнал, хоть бы кто редакцию поджег! – пожаловался Давид, когда, поднявшись с камней, они медленно пошли по песку к деревянному настилу.

– Дэ-авид, разве может надоесть работа в журнале? – удивился Мартин. Имя приятеля он произносил, растягивая первый слог, заменяя «а» на «э-а». – А если бы тебе пришлось по десять часов в день замешивать бетон или красить стены, каково бы тогда? А так – ты редактор, встречаешься с интересными людьми, окружен интеллигенцией, – продолжал Мартин. Некоторые слова он произносил, смягчая согласные и чуточку шепелявя. У него не было многих зубов – сгнили или выбили в драках.

– Да-да, сраной интеллигенцией, – огрызнулся Давид. – Мои коллеги-журналисты хорошо умеют только лизать задницы хозяевам.

Они вышли на набережную, остановились у скамейки. Давид стал отряхивать песок с ног, чтобы надеть сандалии. Случайно взглянул на туго зашнурованные ботинки Мартина. Ботинки прочные, в таких можно ходить до глубокой осени, даже зимой. Но сейчас они явно не по сезону. «Вроде бы мы понимаем друг друга и даже чем-то близки. Но из каких мы разных миров!»

Мартин тем временем сел на скамейку, закурил. И давай бубнить о своем: нужно идти к дантисту, а денег нет, босс недодал двадцать долларов, сказал, что через неделю...

– Ты когда-нибудь спал с бомжихой? – вдруг перебил его Давид.

– Да, была одна уличная любовь. Ее звали Иларией.

– Литовка, что ли?

– Эстонка, – против обыкновения, Мартин не пустился в воспоминания, а вдруг как-то погрузился и умолк.

* * *

Давиду – сорок шесть. Крепкого телосложения, слегка полноват. Рост – чуть выше среднего; движения – тверды, резковаты, в чем сказывается натура деятельная, однако экспансивная, нервическая. Серые пронизательные глаза за линзами очков, насаженных на крупный семитский нос. Курчавые волосы еще хороши по бокам и сзади, но спереди уже проглядывает лысина.

Работу он свою не очень любит. Но не идти же ему – бывшему москвичу, интеллигенту, автору двух книг – работать водителем или швейцаром. Его место – за компьютером в редакции, за писательским столом!

Трудно сказать, что сблизило этих, казалось бы, таких разных людей, – Давида и Мартина.

Они познакомились, когда Давид писал очерк о приюте при русской православной церкви на Брайтоне, где тогда обитал Мартин. Парень ему сразу признался: он – католик, и русскому попу руку не целует. Живет в этом приюте временно, пока холода, и у него нет денег снять комнату. Давид поразился дерзости этого чеха. Другие обитатели приюта громко ввали, что церковь и батюшка, дескать, им помогают жить правильно, по-христиански. От некоторых, правда, при этом разило перегаром. Тихонько просили у «мистера журналиста» деньги на опохмел. А вот Мартин – наглец, батюшку называл «скучным попом» и денег у Давида не кланчил.

Он вообще заметно выделялся среди этих опустившихся, побитых жизнью русских людей. Держался особняком. Когда же они разговорились, Давид выключил диктофон. Понял, нутром почуял: перед ним – не простой бомж, а особенный.

Единственное, что Давида тогда смутило, – запах, исходивший от Мартина. Есть такой специфический смрад, присущий нью-йоркским бомжам, замешанный на резких, тяжелых запахах грязной, месяцами немытой одежды, заскорузлых носков и долго немытого тела, сквозь поры которого проступает ядовитый пот после запоев. Даже горячий душ с мылом, даже дезодоранты, шампуни, новая одежда не смогут этот запах перебить. Нью-йоркский бомж впитал в себя вонь величайшего города, всех его помоек, свалок, выгребных ям, испарений, блевотины, мочи, тления и разложения, гнилья, спермы, слюны, мусорных урн, мусороуборочных машин, крыс,дохлых кошек и голубей; вонь проникла и всосалась во все поры, в каждую клеточку его тела. И вот этот гордый чешский католик вонял, как «классический» нью-йоркский бомж.

Давид – эстет, однако запахов его нос почти не улавливал. Он различал лишь резкие запахи. Но совершенно не различал нежных запахов духов, что несколько огорчало его бывшую жену. Правда, хорошо помнит запах ее тела. Кстати, так же пахнет кожа и у сына, с которым он не виделся уже две недели...

Потом Давид встретился с Мартином еще раз, но уже не в приюте, а на набережной. Якобы хотел закончить с ним интервью.

Что-то отозвалось и затрепетало в душе Давида, когда Мартин рассказывал о своей жизни. Какая-то мрачная красота приоткрывалась в нем. Подавляя брезгливость, часто посапывая и потягивая носом, иногда отворачиваясь или отдаляясь еще на полшага, Давид все же шел рядом, слушал. А потом они встретились еще раз, уже без всякого повода.

* * *

– И что же Илария? – спросил Давид.

– Она была очень красивой, но несчастной. Правда, я тогда тоже не чувствовал себя счастливым, – признался Мартин.

– Как она выглядела? Я смутно помню в том приюте одну бомжиху – блондинку с синяком под глазом и в шляпке.

– Да, скорее всего, это была она. Из-за нее однажды все в приюте напились и устроили драку.

Они приближались к метро. Прогретый за день асфальт отдавал тепло, смешанное с испарениями пролитого переработанного машинного масла и газов из выхлопных труб.

– Мы с Иларией познакомились в сквере. Она сидела на скамейке, пила пиво. Я в нее сразу влюбился. Я называл ее Золотцем... – Мартин полез в карман джинсовой куртки за сигаретой.

– Извини, я должен идти, нужно закончить статью, – соврал Давид. Два-три часа они вместе – и Мартин обычно начинал его раздражать.

По-собачьи чуткий ко всему, что относится лично к нему, Мартин понятливо закивал головой и вернул сигарету в пачку.

– Послушай, почему бы тебе не написать рассказ про эту... как ее там... Иларию? – предложил Давид.

– Рассказ про Иларию? – Мартин прищурился. – Но ты же знаешь: я хочу написать серьезный роман. Прочитал тебе сегодня первую главу о том, как я начал бомжевать, а ты даже не сказал, понравилось ли тебе.

– Роман? Рано тебе еще писать романы. Попробуй-ка сначала делать зарисовки, набей руку на малых формах. Впрочем, как знаешь, дело твое. Все, я побежал, – пожав Мартину руку, Давид направился к серебристым турникетам.

Поднимаясь по ступенькам, зачем-то поднес и задержал у носа правую ладонь. Принюхался. Никакого запаха вроде нет. Нет на его ладони ни порезов, ни шрамов. Его ладонь совершенно чиста.

Глава 2

«...Она схватила свою сумочку и, назвав меня «трахнутым чехом», ушла. Я ждал Золотце несколько недель, хоть был уверен, что она больше не придет. Предчувствие меня не обмануло.

Что с ней случилось потом, не знаю. Недавно увидел ее во сне, плывущей в белом платье по реке. Звала меня к себе. Я проснулся, лицо мое было мокрым от слез...»

– Вот это шекспировские страсти! – Давид прижал дужку очков, ненадолго задержав указательный палец на переносице.

Он припомнил ту бомжиху, когда писал очерк о приюте. С большим синяком под глазом и в какой-то дурацкой шляпке, женщина ходила по церковному дворику, вызывая хохоча. Она была пьяна. Давид подошел к ней, стал убеждать ее лечиться от алкоголизма. Она будто бы соглашалась. Вдруг крепко обхватила его за плечи, исступленно повторяя: «Да-да, я несчастная, я падшая...» В какой-то миг Давид ощутил силу и жар ее еще молодого тела. Но длилось это совсем недолго – женщина неожиданно нагло расхохоталась и, оттолкнув Давида, крикнула: «Пошел к черту, лысый козел! Приходи ко мне через пару лет!» И отбежала к какому-то мужику. Вот, собственно, все, что он помнил о ней.

– Ну что, понравилось? – осторожно спросил Мартин, нарушив затянувшееся молчание.

– Да, неплохо. Правда, ее образ у тебя не совсем четко обрисован, несколько размыт.

У Мартина от обидчиво сведенных бровей на переносице появилась глубокая складка.

Они сидели в японском баре, ели суши.

– Сцена, когда вместо водки ты ей подсунул воду, мне понравилась, – продолжал Давид. Ему стало немножко жаль Мартина. – Представляю себе эту картину: женщина, которую с похмелья бьет озноб, просит водки. А шутник Мартин с плутоватой улыбочкой вместо водки подсовывает ей в стакане воду. И при этом испытывает наслаждение, потому что таким образом мстит ей за то, что она не захотела с ним спать.

– Дэ-авид, ты настоящий литературный критик. Еще и тонкий психолог. Мне очень повезло, что я тебя встретил. Без тебя я бы пропал.

– Прямо-таки, – протянул польщенный Давид. – Ведь обходился же ты без меня все эти годы. Пять лет ползал по нью-йоркскому дну, и ничего – выжил... Знаешь, о чем я сейчас подумал? Что, если я эту твою главу напечатаю у нас в журнале? Так и назовем: «Золотце».

– В журнале? Но ты же сам говоришь, что нет ясности образа, все размыто...

– Не переживай, для дебюта нормально. Только нужно сначала перевести с чешского на русский. Мы с тобой сможем это сделать сами, и без переводчика.

– Давид, я давно хотел тебя спросить, – начал Мартин, когда они вышли из суши-бара. – Ты так хорошо понимаешь алкоголиков. Откуда это у тебя? Ты что, тоже пил?

– Нет, никогда... Просто когда-то интересовался этой болезнью.

– Да, твоя натура тебе не позволит спиться. У тебя есть сила воли, есть цели и интересы в жизни. Ты писатель.

– Ты прав, – согласился Давид, но почему-то без всякой радости.

* * *

Он – писатель? Все так, все правда: Давид Гинзбург – автор двух книжек. Но...

Он всегда мечтал стать знаменитым писателем. Быть просто писателем его не устраивало. Да, он обладал литературными способностями, но отнюдь не был гением. В том-то и заключалась беда. Он желал, чтобы читателей потрясали его книги. Его душила зависть к знаменитостям. «Перестань быть гением. Напиши просто хороший рассказ», – советовала ему бывшая жена.

Две его книжки – сборники повестей – были изданы в Москве средненьким издательством скромным тиражом. Книжки, в целом, неплохие, есть там сильные страницы. Но, не раскрученные, они незаметно утонули в море современной российской беллетристики.

Тираж кое-как разошелся, Давид от издательства не получил ни гроша, хоть и обещали долю от выручки. Вот и вся литературная слава...

Потом родился Антон. Потом словно подменили жену: она стала жить только ребенком, проблемы Давида ее уже мало интересовали. В семье начались конфликты. Давид все больше злился, все чаще жаловался и... все хуже писал. Искал виноватых, обвинял семейную жизнь, работу. Стал выпивать.

Дошло до того, что развелся, оставил работу. Думал, бросив все, напишет блестящий роман, который сделает его знаменитым. Ведь он принес Аполлону такую жертву – отказался от семьи, от стабильной работы!

Но, увы, Аполлону эта жертва была не нужна.

Листы бумаги, измаранные его каракулями, летели в мусорный бак. Ни в одной строке не горел огонь. Писать ему было не о чем: душу ничего не жгло, никого, кроме себя, он не видел и не слышал, никому не сопереживал, никого не любил. А тщеславие продолжало душить.

Закончилось тем, что Давид – удачливый журналист, вроде бы еще молодой и подающий надежды писатель, вовсе умолк. Даже быстро полысел.

Стал пить, уже не просыхая. Налегал на виски «Jack Daniel's». Виски согревало, от него было не так мрачно на душе. Но выходить из похмелья становилось все трудней.

Нужно было признаться себе: он – не только не гений. Он – импотент, литературный импотент!

...Однажды утром с раскалывающейся от похмелья головой он вошел в синагогу. Увидел седобородого раввина. Признался ему, что хочет покончить с собой.

О чем они говорили, сидя на скамейке в той синагоге, где на кафедре лежал священный свиток, завернутый в алый бархат? Буквы древнего иврита были

вышиты серебром на том бархате. Надпись говорила о Боге, который не только ангельскими голосами зовет в горние сферы, но и топчет в свином навозе. И грозно глаголет: «За все будь Мне благодарен, человек! Ибо я – Господь Бог твой и Мне лучше знать, кому дать, а у кого отнять, кого одарить талантом, а кого нет, кому бросить одну монетку, а кому насыпать сполна. Но горе тому, кто не примет и не оценит ЛЮБОЙ Мой дар!..»

Давид молча кивал головой, слушая раввина, проникаясь многовековой мудростью: да, да, и в молчании нужно уметь жить и быть благодарным, ибо писательство – это не цель бытия, а лишь грань богатого человеческого сердца...

Он вышел из синагоги, по-прежнему больной и разбитый. Но вечером не выпил ни капли виски, дав себе слово искать работу.

И уже через несколько месяцев это был прежний Давид – энергичный, решительный, чуточку самовлюбленный. Занимал должность редактора журнала, писал статьи, ездил отдыхать в Мексику и во Флориду. К жене, правда, не вернулся, зато часто встречался с сыном. Ненадолго сходился с женщинами. Словом, вел приятную холостяцкую жизнь. Правда, книжки свои забросил в кладовку и старался о них не вспоминать.

Казалось, примирился с судьбой. И вдруг – встреча с Мартином...

* * *

Широки лестницы в здании ООН, что на сороковых улицах Манхэттена! На стенах – фотографии, где ООНовцы кормят каких-то доходяг, чернокожим в бунгало делают прививки от гепатита и проверяют их на ВИЧ. Тут же на стенах развешаны детские рисунки и плакаты на всех языках, призывающие к разоружению, сотрудничеству и миру. Полно туристов, делегации.

Сидя в кресле в просторном, светлом коридоре, Давид прослушивал на своем iPhone запись с только что закончившейся пресс-конференции одного политика. Выключив iPhone, встал и направился к выходу.

– Да-авид, ты?

– Лара?

Перед ним – женщина лет тридцати семи, в строгой темной юбке и бежевой блузке. Черные волосы, аккуратно зачесанные и собранные сзади, открывали овал ее белого лица с гладким лбом и тонким, ровным носом. Темно-карие глаза умело подведены. Она – среднего роста и гармонично сложена, правда, плечи чуть узковаты для таких бедер. Но эта маленькая диспропорция едва заметна, спрятана в хорошо продуманном фасоне юбки.

– Ты ли это? Не может быть!

– Я, он самый. А что ты здесь делаешь?

- Работаю здесь. Надо же, какая встреча... Сколько лет мы не виделись?
- Лет двенадцать, не меньше. Во всяком случае, с тех пор, как я уехал в Америку.
- А ты совсем не изменился. Правду говорю.
- Верю, – Давид зачем-то пригладил поредевшие волосы. – Кстати, ты тоже почти не изменилась, – соврал он в ответ.
- Ну-ну-ну. Я стала толстой и старой.
- Чем ты здесь, в ООН, занимаешься? Отправляешь посылки детям Африки? Или спишь с генеральным секретарем?
- Чтобы спать с генеральным секретарем, нужны большие связи, у меня таких пока нет. Но, думаю, все поправимо, как говорят американцы: *it`s only a matter of time* (это всего лишь вопрос времени). А если серьезно: уже почти два года я работаю в отделе, который занимается энергетикой. Перед этим закончила специальную программу университета в Дании.
- А где сейчас твоя мама? Что с ней? – спросил Давид.
- В памяти смутно маячил образ немолодой еврейской женщины. Кажется, одета во что-то невзрачное, да и сама тоже невзрачная, Давид даже не мог припомнить ее лицо. Впрочем, видел ее лишь однажды, когда Лара в первый и единственный раз завела его к себе в квартиру перед киносеансом, чтобы сменить туфли.
- Мама живет в Филадельфии, у нее все в порядке.
- Она смотрела на него, улыбалась, и, невзирая на эти внушительные плакаты на стенах, мраморные лестницы, консулов и туристов, он вдруг увидел ее – двадцатитрехлетнюю Ларку. Вспомнил, как когда-то на Арбате ее портрет нарисовал один художник, превратив скромную студентку МГУ в роскошную царицу Савскую. Почему они ни разу не переспали?..
- Мне пора в офис, ланч закончился, – сказала Лара, поглядывая на свои часики.
- Когда же мы увидимся?
- М...м, сегодня вечером у меня свидание с одним испанцем. Он – майор, из корпуса миротворцев. Очень красивый мужчина, правда, глупый до невозможности. Зачем он мне нужен, сама не знаю.
- Тогда давай в другой день, – перебил Давид. Ему почему-то не хотелось слушать про испанского майора-миротворца. – Как насчет пятницы, после работы?

Глава 3

«Освобожден. Теплая, тихая июньская ночь. По пустому тротуару идет пожилой негр. Что-то бормочет под нос, смеется.

– Сколько сейчас времени? – спрашиваю у него.

– Половина первого.

– Закурить не найдется?

Чернокожий дает мне две сигареты и, продолжая что-то бормотать, уходит. Сигареты есть, но нет спичек – их у меня забрали при аресте. Зато есть тринадцать долларов. Полицейские у меня деньги не отняли. Хорошие копы. Перед тем, как я вышел из камеры, полицейский Перез даже угостил меня на прощанье куском пиццы и кофе. Сокамерники мне завидовали.

Я поделился пиццей с Педро, который, не знаю почему, тоже был в тюрьме и ожидал суда. Понять Педро невозможно – этот спесивый сальвадорский пьяница за годы жизни в Нью-Йорке не выучил и пары английских слов. Впрочем, ему достаточно испанского, чтобы попрошайничать в испанском Гарлеме. Амиго.

Это была моя третья посадка. Перез меня хорошо знает, я постоянный его клиент. Впрочем, не я один: Педро, Африка и все остальные из банды алкашей и бездомных, обитающих в районе 125-й стрит, что на границе негритянского и испанского Гарлема.

В этот раз арестовали меня за открытую бутылку пива. Теперь, завидев Переза, мне нужно быть вдвойне осторожным. Уверен, что он захочет упечь меня в камеру снова.

На какой я нахожусь улице? 36-я стрит и 1-я авеню. Ну, вперед, до самой 125-й!

Внимательно слежу за тротуаром, прошел один квартал – и в кармане уже полно бычков. Ой! Передо мной на асфальте едва подкуренная «верджинка». Здесь, в Манхэттене, живут очень богатые люди, выбрасывают сигареты, едва успев прикурить. Попробуй найди такие бычки в Бруклине. Куда там! В Манхэттене и в урнах, и возле ресторанов можно хорошо поживиться едой: найти даже неразвернутые сэндвичи с бужениной и яйцами или гамбургеры с ветчиной и помидором. Я голоден – кусок пиццы, который я получил, выходя из камеры, давно переварился в желудке.

Жую найденный бутерброд, неспешно иду по пустой ночной улице. На мне кроссовки «Nike», подаренные Африкой. Очень хорошие кроссовки: почти новые, легкие и мне по размеру. Есть ли где негр чернее Джамия-Африки? Чернота кожи, однако, не самое главное его свойство. Не знаю другого такого щедрого чернокожего. Он всегда веселый, потому что курит марихуану. Помню, когда Перез надевал на меня наручники, стоявший рядом Джамия-Африка смотрел на эту сцену довольно мрачно. Еще бы! Открытая бутылка пива была его, не моя. Он просто ее поставил возле меня, когда мы с ним пили на скамейке. Из-за этого недоразумения я должен был с жутким

отходняком целый день валяться в участке на бетонном полу, пить тухлую воду из-под крана и испражняться в присутствии сорока сокамерников.

Чудесная страна Америка! После того как судья меня оправдал, мне вручили карточку на проезд в метро, чтобы я добрался домой. Но мой дом – улица, в подземку я спускаюсь только зимой, и то, когда очень холодно. За все годы бомжевания я спускался в метро, может, раза три. Все из-за полицейских, которые не разрешают там спать на скамейках. Завидят, что кто-то лег, – обязательно подойдут и заставят сесть, а то и просто выдворят из подземки. А спать сидя неудобно. Не говоря уж о том, что мешают своим грохотом поезда. Чтобы спать в метро в таких условиях, нужно напиться до немоты. А это не по мне, я люблю до полунемоты. До полунемоты – чешский способ, пивной; до немоты – русский, водочный.

У меня карточка на проезд, нужно ее продать. Предлагаю со скидкой вдвое. Купил один прохожий. У меня уже четырнадцать долларов. Теперь – прямым ходом в бакалейную лавку. Хочется курить. Где же взять спички? Улица пуста. Но возле одного дома сидят кружком три старые китайки, в центре горит свеча в фонарике.

– Извините, нет ли у вас спичек?

Одна женщина вынимает из кармана спички, протягивает их мне. Жестом дает понять, что могу оставить спички себе.

Вот, наконец, 125-я стрит и любимая бакалейная лавка. Возле нее, как всегда, куча забуханных негров и испанцев, среди них Джонни. Покупаю двенадцать бутылок пива и упаковку табака. Одну бутылку даю Джонни, а он за это дарит мне марихуану.

Затем, сойдя с дороги, продираюсь сквозь кустарник. У невысокого здания с заколоченными дверьми и окнами лежит матрац, кусок пластика и одеяло – это моя летняя резиденция. Вдруг замечаю: кто-то здесь есть. Какая-то чернокожая сидит на моем матраце. Завидев меня, вскочила.

– Sorry, sorry, – залепетала она. – Это твой матрац?

– Да, мой. Здесь моя вилла.

Она хихикнула, оценив шутку. Она довольно привлекательна. На вид ей лет двадцать, одета в легкую футболочку и очень короткую юбку. Несложно догадаться, что проститутка. Через плечо перекинута сумочка, в которой наверняка лежит «походный» набор шлюхи: косметика, сигареты и презервативы.

– Что ты пьешь? – спросил я.

– Все подряд: виски, водку, ром.

– А пиво?

– Пиво тоже.

Даю ей бутылку. Вместе с ней сидим, курим ее сигареты, пьем мое пиво.

– Меня зовут Лили, – сказала она и поцеловала меня в губы.

Губы у нее теплые и гладкие, как шелк. Не сомневаюсь, что Лили – ее профессиональная кличка, среди проституток Гарлема Лили часто встречаются. Она рассказывает о себе: «работает» на улице с пятнадцати лет, курит крэк, пьет. Школу не закончила, живет в негритянском Гарлеме, но работает в испанском. По ее словам, в испанском не такая жесткая конкуренция.

Лили допила пиво, ей пора «на работу». Сказала, что не прочь сюда приводить своих клиентов, ей это место очень понравилось. Спросила, не помешает ли мне.

– Нет, не помешаешь.

Поцеловав меня еще раз, ушла. А я закуриваю марихуану, подаренную Джонни. Выкуриваю только половину сигареты. У Джонни очень крепкая марихуана, от такой могут начаться глюки.

Пришла Крыска Анечка, решила проведать, как мои дела. Смотрит рубиновыми глазками, чистит усики. Анечка красивее и крупнее крыс Бруклина: она вся серая, а сзади, вокруг хвоста, желтое пятнышко.

– Сегодня, Анечка, у меня для тебя ничего нет. Я сидел в тюрьме. Поесть тебе принесу в другой раз.

Анечка, понимающе поморгав, убежала. А мне стало очень тоскливо, потому что меня давно бросили все женщины, я никому не нужен, даже крысам. Остается разговаривать с самим собой, якобы – с родителями, с друзьями, даже с теми, кого уже нет в живых...

Допью последнее пиво и лягу спать. Что же я буду делать завтра? Пойти на Wards Island, где полно бомжей? С недавних пор там появилась банда поляков, с которыми мне встречаться незачем. Лучше собрать на улице газеты, по фотографиям и заголовкам узнать, что происходит в мире, купить много пива и скрыться на камнях, на берегу Гудзона.

Там хорошо. Река, тишина, ширь, обзор. Нет ни испанцев, ни русских, ни поляков. Есть особая красота в том, чтобы быть одному.

Гарлемские звезды светят. Гарлемский люд спит. Тоже иду спать».

– Понравилось? – настороженно спросил Мартин, засовывая в рюкзак страницы только что прочитанной главы.

Искоса покосился на Давида, сидящего на валунах волнореза. Но тот, казалось, даже не услышал вопроса. Может, и вовсе не слушал его?

Раздетый по пояс, Давид смотрел туда, где мальчик и девочка на берегу возводили замки из мокрого песка. И Антоха прилепился к этим строителям.

Худой, как щепка. Носит в ведерке воду, половину разливая по дороге, копает песок совком.

– Дэ-авид, почему же ты молчишь? – спросил Мартин. Одет он был в тот же джинсовый костюм, ботинки и бейсбольную шапочку. В такую-то жару.

– Когда ты избавишься от дурацкой привычки все носить с собой?! Ведь ты больше не бомж, у тебя – своя комната, пусть хоть на чердаке, но своя, ты за нее платишь деньги. Почему бы тебе не оставлять дома хотя бы рюкзак и куртку? – Давида явно что-то сильно раздражало.

– Ты прав, – согласился Мартин и поник.

– А глава – хорошая. Это самое лучшее из всего, тобой написанного до сих пор. Растешь.

Мартин недоверчиво покосился на Давида, шутит он, что ли? Нет, вроде серьезно. Впрочем, Мартин и сам знает, что глава о бомжевании в Гарлеме удалась.

– Кстати, завтра выйдет журнал с твоим «Золотцем», – сказал Давид по-прежнему раздраженным тоном. – Наши в редакции читали – все под впечатлением. Одна только корректор брезгливо морщилась. В любом случае, равнодушным не остался никто. Поздравляю, твоя карьера бомжа закончилась, началась карьера писателя.

Мартин, переварив в голове услышанное и окончательно убедившись, что Давид не шутит, расплылся в улыбке:

– В котором часу ваш журнал появится в продаже? – спросил он.

– В восемь утра.

– На всякий случай, выйду из дома в семь, может, к тому времени уже подвезут в киоск. Сколько стоит журнал?

– Доллар.

Мартин забормотал под нос:

– Неделю поживу без обедов, не умру. В случае чего, сэндвичи можно будет подбирать и на улице.

– Сколько же ты собираешься купить экземпляров? – иронично спросил Давид. – Или ты намерен скупить весь тираж?

– Штук тридцать. Парочку отправлю родителям в Чехию, они, правда, на русском не читают, но все равно. Еще подарю своей хозяйке Ванде, пусть знает, кто у нее живет на чердаке. Еще отнесу на работу, Андрию и Бене... В общем, куплю тридцать штук, не меньше.

Солнце уже припекало. На пляже то там, то здесь возникали новые зонтики.

– Антоха! Дай девочке поиграть твоим совком. Она поиграет и отдаст! – крикнул Давид.

Щупленький Антон, услышав отцовский наказ, с надутыми губами, отдал девочке совок.

– В этом городе даже дети вырастают капиталистами! Ничем не хотят делиться, все гребут под себя.

– У тебя сегодня, по-моему, плохое настроение, – заметил Мартин. – Что-то случилось?

Конечно, он не сомневался, что Давид ему ничего не скажет. За время их знакомства Давид так и не впустил его в свою жизнь. Никогда не рассказал, например, почему развелся с женой или почему больше не занимается литературой. К себе домой тоже ни разу не пригласил. Мартин подозревает, что Давиду стыдно приглашать в дом бомжа. Стыдно перед соседями, перед коллегами-журналистами. Может, стыдно и перед самим собой. Ладно, Мартину не привыкать.

– Ничего у меня не случилось, – угрюмо ответил Давид.

Закатав джинсы до колен, вошел в воду и стал плескаться на себя водой. Вода холодная, но в такую жару приятная.

– Давай-ка помогу тебе, – подойдя к сыну, присел, стал выгребать рукой песок вокруг уже проседающего замка. – Сынок, а кто в этом замке живет?

– Кощей Бессмертный, Шрэк и носорог.

Давид усмехнулся. Ему припомнилось свое детство, когда семьей отдыхали в Сочи. В Сочи песок был мягкий и нежный, лился желтым ручейком сквозь пальцы, под которыми возникали барочные каскады. А песок на берегу Атлантического океана жесткий и тяжелый, совсем не пригоден для изящного строительства...

– Пап, ты мне потом купишь мороженое?

– Конечно, куплю.

Антоха бросил совок и, подойдя к Давиду, вдруг обнял его.

* * *

Зачем Давид нужен Мартину, более или менее понятно. Давид для него – полубог. Ну и, разумеется, приятель. Правда, их дружба с заметным перекосом в одну сторону, но уж какая есть. Спасибо и на этом. Мог ли Мартин мечтать о таком еще год назад, когда его окружали только бродяги-попрошайки и уличные проститутки?

Но на что Давиду сдался Мартин? – вопрос. Ладно, Давиду приятно выступать покровителем-меценатом, иногда угощать бедного Мартина суши или пиццей. Положим, и самолюбие приятно щекочет – поучать литературному ремеслу начинающего автора.

Ерунда! Давид всосался в этого чеха, как пиявка. Ухватился за Мартина как утопающий за соломинку. Так старость, ворчливая и завистливая, цепляется за молодость, тьма льнет к свету. Рядом с Мартином Давид оживает,

забывает о тщеславии, которое когда-то задушило его. В его сердце воскресает писатель.

Он наблюдает Мартина со стороны, любит его, а потом медленно вползает в его джинсовый костюм и тяжелые ботинки, в его кожу, покрытую шрамами и рубцами, даже в его распухшие десны, из которых торчат полусгнившие пеньки. Давид тогда видит мир во всем его великолепии: луна, чайки и цветы, даже грязь, – все вокруг преобразуется, сливается для него в едином звучании, в полноте и глубине Слова...

А Мартин – самородок, сверкает гранями. Он счастлив, что не живет на улице, что не пьет, что пишет.

Недавно, когда они в «Макдональдсе» переводили очередную главу, Давид стал подсказывать Мартину сюжетные ходы. Он предлагал одного из героев – Сашу-Паваротти – сбросить с пирса. Эффектная концовка. Но Мартин проявил редкую неуступчивость, уверяя, что Саша-Паваротти жив, он недавно его видел, правда, забуханного и побитого. Саша спел Мартину «Очи черные» и выклянул «за концерт» десять долларов. Они бы поговорили еще, но Мартин спешил на работу. Зачем же такого Сашу убивать? Ради литературной финтифлюшки отступить от красоты жизненной правды?

«Вы – русские писатели, любите сразу выплескивать свои эмоции, сразу расставляете все точки над «і». А мы, чехи, – другие, мы любим постепенность. Вам, русским, не хватает сдержанности, поэтому вам трудно сохранять литературную форму», – так говорил Мартин, на тройки закончивший среднюю школу в каком-то чешском поселке.

* * *

Возвращаясь домой, Давид остановился на перекрестке. Почему-то задержал взгляд на мусорной урне. Там лежала пустая банка из-под пепси-колы. Давид взял эту банку, приблизил ее к лицу. В нос ударил отвратительный запах – настолько ядовитый, что на глазах выступили слезы. Давид швырнул банку обратно в урну и, сконфуженный, поспешил прочь.

...Согласился бы он заплатить за творчество такую цену? Мартин заплатил. Зато теперь, гляди, как пишет. Строки – летят. Почему же он, Давид, не может больше родить ни слова, а этот полуграмотный чех, долгие годы убивавший свои мозги алкоголем, бродяжничеством и тупой работой на стройке, творит такое?! Или Господь Бог, всемилостивый и справедливый, дал Мартину литературный дар, но запросил за это столь высокую плату?..

Дома Давид принял душ, смыл с себя засохшую океанскую соль. Лег на диван. Снова, в который раз за этот день, зачем-то поднес к носу правую

ладонь. Откуда это странное ощущение, что от ладони разит? И почему теперь, читая главы будущего романа Мартина, его душит отвратительный запах? Было время, когда Давид и вовсе перестал ощущать этот запах от Мартина: либо его нос адаптировался, либо Мартин за год отмылся. Но почему теперь даже воспоминание о Мартине сразу наполняет воздух невыносимой вонью?..

Глава 4

– Нью-Йорк для писателей – ужасный город, самый опасный город на Земле. Писателей здесь душат врачи, адвокаты, агенты по торговле недвижимостью, – говорил Давид, передавая Ларе корзинку с теплыми ломтиками французской булки. – Здесь пресмыкаются перед менеджерами и бизнес-администраторами, перед этой серостью, но на непризнанных художников смотрят, как на психически больных. Знаю одного чеха, талантливый парень. Как, думаешь, он закончил?

– Как? – спросила Лара, намазывая на булочку тонкий слой масла.

– Попрошайкой на улице! А ведь художник сделан из хрупкого хрусталя, на него даже дышать нужно осторожно.

– Как я поняла, ты – антиамериканец.

– Напротив, я – самый настоящий американец, поэтому возмущаюсь. Будь я безразличен к Америке, я бы ее только хвалил.

Они сидели во французском кафе. Услужливая молоденькая официантка, подав им меню, советовала, что заказать.

– Ви, но, мерси, – полушутя отвечал Давид, и девушка в ответ улыбалась еще больше, еще приятней, почти натурально.

– Спрашиваешь, какая у меня жизнь? Мотаюсь по миру, из одной страны в другую. В каждой завожу себе любовника, на случай, если приеду туда снова, чтобы не тратить время на поиски.

Давид слушал, кивал. Раздражался немножко, когда речь заходила о ее любовниках. Но, в общем – ничего, сносно.

– Сначала я хотела найти мужчину, полностью укомплектованного: при деньгах, с положением и, разумеется, красивого. Но ни в коем случае – лысого или с животом. Лысые и толстые у меня вызывают брезгливость, – Лара искоса поглядывала на Давида, словно примеряя его к своим стандартам. – Еще он, конечно, должен быть умным. Ну, и в постели, само собой...

– И где же, если не секрет, ты искала такого Джеймса Бонда? В Нью-Йорке, что ли? – спросил он, погружая ложку в горячий глиняный горшочек с

луковым супом. – Мне кажется, Нью-Йорк – отвратительный город не только для писателей, но и для идеальных мужей.

– Абсолютно с тобой согласна! Мужчины здесь – ни рыба ни мясо. У меня были и топ-менеджеры известных корпораций, и крупные чиновники из ООН. Короче, все те, кого ты называешь серостью. Признаюсь, теперь я их презираю точно так же, как и ты. Все они напоминают мне избалованных детей. Их постоянно нужно утешать и жалеть. А кто утешит меня? Мне, может, тоже бывает очень тяжело... – не без кокетства надув губки, она взяла стакан с красным вином и сделала пару глотков.

– Перед тем, как ложиться с ними в постель, нужно было хорошенько выпить. Тогда все пошло бы как по маслу, – посоветовал Давид.

– Пила, пила! Первое время это выручало, но затем все равно следовал разрыв. Или, по-твоему, я должна была пить постоянно? Тогда я решила: черт с ними, с миллионерами, дайте мне мужчину с обычной зарплатой, но с положением. Главное, не лысого и не толстого, – она снова покосилась на Давида. – Но все равно, ничего путного не попадалось. Психанув, я даже завела роман с одним итальянцем, владельцем пиццерии, он был красивым и умным. Но, как всегда – но! Я же не могла его показать своим друзьям и коллегам! Подумай, как бы я его представила: «Синьор Джузеппе, пицца-мэн»?

– Да, сложный случай, классический разлад между рассудком и сердцем, – заключил Давид.

Он не мог избавиться от мысли, что приблизительно в таком же духе, должно быть, проходят сеансы психоанализа: всепонимающий психотерапевт и капризная пациентка. Нервы ее совсем разболтаны: «Помогите, доктор. Скучно мне».

– И на каком этапе ты сейчас?

– Период затишья. Разогнала весь свой гарем, – она выпила бокал до дна. – Но что я все о себе? Ты-то как?

Давид пожал плечами, не зная, как ей представить свою жизнь в Америке:

– Что я? Работаю редактором в журнале. Развелся. Сыну пять лет. В Москве вышли две моих книжки. В общем, сделал карьеру, но с твоей, конечно, не сравнить. Еще вот, полысел, растет животик. В твой идеал не укладываюсь.

– Я тоже не та, что двенадцать лет назад, не переживай, – она поднесла руки к голове и стянула с волос резинку – на плечи волной упали черные волосы, с рыжеватым отливом. – Или я еще ничего, а?

Давид ощутил легкое головокружение – Лара-ангел мгновенно превратилась в таинственную летучую мышь...

Невыносимая духота стояла в городе. Футболка Давида прилипла к спине, лицо, руки, даже ступни в сандалиях были противно-липкими. По дороге к ее

дому Давид и Лара почему-то часто касались друг друга. Легкие, совершенно случайные касания рук, плеч, слов, каких-то давних московских воспоминаний, несбывшихся надежд...

* * *

– Ну вот, уложила еще одного, – Лара разочарованно коснулась кончика носа спящего Давида. – И что мне теперь с тобой делать? С лысым, толстым, в очках? – спрашивала она шепотом. – Зарплата у тебя, наверное, в пять раз ниже моей. Должность редактора журнала, это, конечно, звучит. Но ведь не «Ньюйоркер» и не «Форбс», а жалкий иммигрантский журналишко. В постели ты даже хуже, чем Джим. Плюс – пятилетний сын, алименты. Еще и храпишь.

Она сползла с кровати и пошла в ванную. Стоя под душем, вдруг замерла – почудилось, что щелкнул замок наружной двери.

– Мерзавец! – вбежав в спальню, Лара упала на кровать, втерлась лицом в простыню, еще хранившую тепло и запах его тела. – Почему, почему и он ушел?! – она извивалась, как змея, на простыне.

Окончание ознакомительного фрагмента